

средневековой западноевропейской версии греческой легенды-романа? С определенностью можно признать, что список «Повести о Велиаме» — не первоначальный. Об этом позволяет судить, например, такая особенность списка: мамка Июлии фигурирует в начале повести без имени; но где-то в середине повествования, а затем и в конце неожиданно всплывает ее имя (Вирсава; в другом случае — Варсава). Неодинаковое наименование земли Пентиполии (Пентаполь, Пентополия, Пентиполь) может свидетельствовать о том же. Недописанное слово «светли[цы]», ошибочно повторенное слово «казнить» указывают, что это список со списка. Язык повести довольно выразителен. Обращают на себя внимание не совсем обычные обороты, как например «ходить в черном платье» (надевать траур), «ухватились» (в значении «обнялись»). Некоторые аналогии находим в «Повести о российском матросе Василии» начала XVIII в.,²¹ а также в раннем переводе «Повести об Аполлонии Тирском».²² Ряд оборотов и выражений, однако, не находит таких параллелей. К ним относятся: «старая жена» (мамка), «и в то время в их молодости», «гулять в крамах», «вели ее за дочь родную», «ведем за дочь свою», «заказывати» в значении «приказать, настойчиво просить», приказание «и до сна быть при мне», «прислушивать» в значении «подслушивать» и др. Возможно, что здесь перед нами признаки перевода с какого-либо западнославянского языка, скорее всего с польского.²³ В частности, на западнославянский оригинал указывает обозначение воровства как злодейства (ср. польск. *złodziejstwo*, чешск. *zlodějství*), воровки как злодейки (ср. польск. *złodziejka*, чешск. *zlodějka*), денег — в пенязех (ср. польск. *pieniędzy*, *pieniądze*, чешск. *peníze*). Без обращения к польскому или чешскому языку нельзя понять оборот «гулять в крамах» — «гулять в торговых рядах» (ср. «лавка» — польск. *krám*, чешск. *krám*) или сочетание «за дочь». Словосочетание «Мы выдаем, что Июлия дочь наша» позволяет вспомнить о польском глаголе *wydawać* («выдавать», «представлять»), другое — «вели ее за дочь родную» вызывает в памяти польский глагол *wodzić*. Употребление в одном из оборотов наречия «здорово» в смысле «умно, осмотрительно» («это дело делается не скоро, только здорово») опять-таки близко по значению польскому *zdrowo*.

Таким образом, в повести о Велиаме можно видеть образец древнерусского перевода с какого-либо западнославянского (скорее всего с польского) языка. К сожалению, нам не удалось найти протооригинал. Возможно, публикация текста привлечет к нему внимание как к интересному образцу средневековой обработки эллинистического романа, счастливо сохранившемуся в тематическом сборнике начала XVIII в. в составе памятников, характерных для древнерусской литературы второй половины — конца XVII в.

Текст «Повести» дается в соответствии с правилами публикации литературных памятников в Трудах ОДРЛ.

²¹ «И пришед ухвата (ухватив) его, нача горко плакати»; «и королевна была весма была печална и в черном платье» — В кн.: Русские повести первой трети XVIII в. Исследования и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой М.—Л., 1965, стр. 208, 207. В статейном списке московского посла в Западную Грузию Федота Елчина (1639 г.) читаем: «Дарь Левонтей в великой кручине, а ходит в черном платье» — В кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.—Л., 1954, стр. 215.

²² «Странгвил с женою, облекшись в черная, приидоша к Аполлону» (Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. I, стр. 24). — В «Римских деяниях» этот текст получает несколько иной перевод: «Станвалей со свою женою Деонисию о приезде Аполлоновом облеклись в печальные ризы» (стр. 43).

²³ Благодарю за консультации по этому вопросу В. П. Адрианову-Перетц и А. М. Панченко.